Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣсяци 4 злр.

# ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбирае ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіяньского.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 13. Львовъ, 23 Березнѧ 1856. РОКЪ IX.

## ПРИ ЖЕРЕЛѢ!

Якъ оногда такъ ще нынька
Где ольха буяла,
Журчитъ тая кирниченька
Що колись журчала.

Ту-мь въ дѣтинныхъ лѣтъ утѣсѣ
Котру не отплачу,
Снилъ отрядно при той ольсѣ
Що ю днесь не бачу.

Еще нынька, якъ оногда
Все одно ся дѣе:
Тота вѣе прохолода
Тото солнце грѣе;

Корчей столько якъ бувало
Цвѣтовъ цвите столько . . . .
Чогожь тямцѣ ще не стало?
Не стало тя ольхо!

Слухамъ хибло твого шуму,
Челу тѣня твого,
Снамъ розрады про задуму,
Мнѣ — дѣтинства мого!

Ксенофонтъ.

---

## О СУЕВѢРІЮ МОРЛАХОВЪ.

(продолженье).

Запȣскатисѧ ширше и глȣбше въ тотъ предметъ намъ не припадаетъ, понеже не тȣтъ мѣстце, розпространитисѧ въ одномъ, а второе перезрѣти. Дѣло самое же въ собѣ есть такъ дивогладне, що розсмотриваючи оное, можь собѣ подȣмати всѣлѧко, можь вѣрити или не вѣрити. Кромъ того найшлисѧ глȣбокомыслѧщіи мȣжи, которыи звернȣвши прибачность свою въ тотъ предметъ, силисѧ изпытати естество оного, или привѣдчитись, чи сȣщество оного можетъ быти производимое природою, или нѣтъ. Особенно докторъ Єнемозеръ въ оученомъ своемъ дѣлѣ: „Исторіѧ магнетисмȣ" старалсѧ опитнымъ способомъ естество ворожбы изѧснити.

Менѣ пріидесѧ еще напомнȣти коротенько о томъ, що ꙗкъ менѣ видитъ и мнитсѧ, производитъ вѣрованье, въ опери, хованцы и прочіи шибающіи сѧ по свѣтѣ дȣхи.

Религійное влїѧніе є то головною принȣкою въ томъ вѣрованію. Человѣкъ, которого дȣхъ силовь вѣры оуноситсѧ до безконечности, не можетъ тѣсно обмежитисѧ при самой лишь идеѣ о загробномъ бытїю, но онъ ꙗко тварь принадлежаща веществȣ долженъ оурабляти тȣю идею въ розличны хоть бы мѧчливы виды, соствѣтны его вещественной природѣ. Ꙗкъ бытъ людей не єсть одинъ и тотъ самъ вже на землѣ, такъ и загробный бытъ долженъ по человѣчомъ изображенію быти не однакимъ, но относительно къ понѧтіѧмъ первоначально злого или доброго, лихимъ или несамовитымъ и добрымъ или блаженнымъ бытомъ. Не дивъ про тое же кто за житѧ

сраблалъ всѣлакіи дивныи вещи, или кто померъ несамовитою смертію, статется опе峰ромъ вредащимъ обществу лихими паколстами. Тожь и вѣра въ діаволы осуществила много поменшихъ лихихъ духовъ. Вѣроютъ бо въ существованье хованцевъ, или такійсь родъ діаволиковъ, которы подъ такимись условіями могутъ переховиватись на обойстю поодинокихъ господаровъ побравшихъ са съ лихомъ. Хованцы приспорываютъ такимъ господарамъ маетность, чинатъ ихъ богачами. и проч.

Такъ менѣ виделось суевѣріе существующе въ народѣ, и тому придыбавши одинъ нѣмецкій артикулъ о суевѣрію Морлаховъ въ повременномъ письмѣ: Magazin für die Literatur des Auslandes redigirt von J. Lehmann 40 Band Juli bis Dezember 1851.; думалъ я придати той невеличкой розправѣ мои власны мысли. Отже наведу теперь суевѣріе, якъ оно уробилоса у морлаховъ, послѣ помянутого артыкулу и инныхъ попавшихъ менѣ подъ руку письмъ.

Основою морлацкого суевѣріа, есть вѣрованье въ доброго и злого духа, доброго „срока и несрока," счастье и несчастье. Тому то суть межи ними поговорки: счастье да сохранитъ та! Несчастье не хочево!

Чаровницы залишаютъ въ ночи свои обыталища, и сгромажаются гулаючи на роздорожіахъ или токахъ. Въ полночь сбираются на совѣтъ. Намащаются магичною мастею, котора дѣлаетъ ихъ невидимыми, и засѣдаютъ часто подъ величественными ореховыми деревами, или если туча сближается въ страшенныхъ клубахъ хмаръ несутса. Занимаются они радостно тисячи огидными чарами, наводатъ напрасныи хоробы, тучи и розличны иныи злощастія, которыи миръ людемъ а любовъ коханкамъ колотятъ и возмущают. Употребляютъ до того костей зъ умерцевъ, волоса, нохтевъ, розличного зѣла и толстости. Своимъ любимцамъ даютъ прехорошіи яблока, отъ которыхъ если кто инный зъѣсть, жестокіи боли достане. Маютъ якіись свои знаки, на которы, хотайбы и въ неувазѣ были сроблены, они сей часъ съ вѣтромъ гетъ — гетъ далеко нестиса бываютъ принуждены. Межи тѣмъ перекидаются въ курку, коты, или мотели. Если душа якойсь чаровницы въ якомсь ордованю ею полишаетъ, то остается тѣло оной во снѣ, и никогда не пробудится, если бы кто обернулъ по тотъ часъ. Если чаровница разъ выспокѣдалася, не можетъ быти больше чаровницею, на томѣсть робится зъ ней лѣкознахарка, понеже въ таинствахъ зѣла есть обучена. Найдѣствителнѣйшими суть они по ночахъ предъ св. Грегоріемъ и Иваномъ. Въ послѣдной ночи сбираютъ дуже скапно солодкое деревце, или скриваютъ оное передъ очима свычайныхъ сбирателей; солодкое деревце въ тую ночь сбиране, открываетъ всѣ тоземски таинства. (П. с.)

## ДОБРО ТОМУ, КОМУ БОГЪ КУМОМЪ.

### Народная повѣсть изъ хорватского.

(продолженіе).

Вода той солудецъ, въ которомъ Ивась яко плѣнникъ сидѣлъ, все дальше а дальше несла, доки въ иную краину его не завела; тутка сталулъ передъ якимсь млыномъ и загатилъ такъ лотоки, що коло млынское скоро и перестало кружитись. Мельникъ, старикъ съ сивыми волосами и усами, поскочилъ на дворъ, щобъ погланути, що такого есть; а увидѣвши плавающую бочку мгновенно призвалъ сы-

на своего Якова, и разомъ извлекли сосуdъ изъ воды. Но якже старикъ зачудовался, когда отворивши дно съочилъ красного хлопака спящого. Бѣдный Ивась, который весь свой харчъ вже спожилъ, оуснулъ съ оутомленія; но когда свѣжій воздухъ его обвѣялъ, пробудилъ и перелякся, якъ оувидѣлъ старика, сына его и млынъ. Мельникъ тронутый милосердіемъ, взялъ его изъ бочки, а отнесши въ свѣтлицу, посадилъ на постель; потомъ щобъ покрѣпился подалъ ему юшки и сталъ выпытоватись: кто и що есть, та кто его до бочки всадилъ и про що и пр. Малый Ивась ничого не заталъ, но все зарядомъ розповѣлъ, якъ съ нимъ сталось. Тогда старикъ сердечно обнимаючи такъ къ нему отозвался:

„Отъ нынѣ есь моимъ сыномъ, а мой Яковъ нехай ти будетъ братомъ; не бойся я все на тебе постараюсь, та вже незагинешь ми; только почитай во мнѣ якбы своего правого отца и ничого передъ мною не покрывай."

Теперь небыло счастливѣйшого по надъ нашого Ивася, который опять пришелъ межь добрыи люди, а мало прежде мыслилъ, що вже съ симъ свѣтомъ розстанется. Но такъ бываетъ, кто Бога имѣетъ за кума! — Ивасеви будучи оу мельника велося первы два года все хорошо; онъ былъ чемный, прилѣжный, честный и своему новому отцу всегда на рукахъ, которого любилъ, почиталъ и вовсе ему повиновался. Такожь и съ Яковомъ, своимъ новымъ братомъ соглашался, всегда его предпочиталъ и искренно любилъ; но не забывалъ и на свои милы родичи, часто пригадовалъ ихъ си и всегда Бога молилъ за нихъ, за своего дорогого отца, за брата и за себе.

Но не долго тревалъ тотъ домашній миръ. Яковъ почалъ завистно на Ивася глядати, которого отецъ больше якъ оного любилъ; до того еще былъ Яковъ злостливъ, оупрямый и глядалъ всякой способности, щобъ ино съ Ивасемъ повадитись. Отъ теперь часто слышано жалобы, несогласія, споры и неспокой въ млынѣ. Отецъ вправдѣ боронилъ Ивася, но все было надармо, Яковъ вонехотѣлъ ніякъ помиритись; иныи же еще его поджигали и наговоривали, що Ивась хочетъ отца его забыти и батьковщину отняти, та Богъ знаетъ які и еще тѣмъ подобныи вещи. Ивась все молчалъ и терпѣлъ, та вже хотѣлъ два, три разы совсѣмъ отъити; но отецъ всегда его задержовалъ, итакъ ему въ оугодность остался. Одного же разу случалось, що Ивась вышелъ вдоль берега до загаты, которая немножко побрежденна была; щобъ поглянувши що такого недостаетъ, ею исправити. Ищо ино гористою стежкою пустился, тожь вже и зачулъ мужескіи голосы; остановившись напялилъ оуха, щобъ розобрати тотъ розговоръ. И якжежь перепудился, когда оуслышалъ голосъ своего брата Якова, который съ своими друзьями оуговорivался, якимбы-то хитрымъ способомъ его отъ млына оуклонити, или забыти?

Теперь вже небыло чого больше ждати. Ивась побѣгши домовь и свираючи свои манатки лагодился въ дорогу; но прежде еще вступилъ въ свѣтлицу, щобъ съ отцемъ попращатись. Старикъ нехотѣлъ его пустити; но Ивась былъ теперь постоянный, и такъ немогъ мельникъ ничь иного сдѣлати, якъ лишь его пустити. Вручаючи значительную сумму червонцевъ на дорогу обнялъ Ивася сердечно, и горькими слезами прослезился. Однакъ Ивась такожь

*

немогъ свою тугу преодолѣти, та и онъ плакалъ мовь плаксивая година. Наконецъ поблагословивъ и оуцѣловалъ его отецъ, и малый кусень дороги сопровождалъ; когда наразъ съ Іаковомъ стрѣтились. Сей ничого незналъ, що сталось; но когда вже сближился и отцевыи оупреки за Иваса довольно наслухался, тогда розвеселился въ духу, що онъ вже разъ отходитъ. Теперь-то помирилсь Іаковъ съ Ивасемъ, который вопреки намаганіямъ отцевымъ въ ніякій способъ нехотѣлъ долше остатись говорячи: що прежде или послѣ доженъ змѣю отъискати, що свою Магдалину ніякъ неможетъ запомянути и пр. Съ тяжкимъ сердцемъ розстаючись, та такъ сказати отторгнувшись изъ обнятій отца своего отошелъ. Слезы покотились по очахъ, а груди полны были жалости, — тогда то взглянулъ на небо, и сейчасъ стало ему легше. Вже розмышлялъ онъ надъ своею судьбою, тоскно пригадокалъ си родичи и свою Магдалину; та легкимъ крокомъ ступалъ дальше, все дальше а дальше, щобъ приспѣти къ цѣли — къ змѣи.

### III.

Итакъ путуючи пришелъ въ иностороннє королевство. Люди познаючи по ношѣ, що естъ изъ чужихъ сторонъ, стали его пытати: „А куда Богъ провадитъ хлопче?" „Иду къ змѣи" — коротко отвѣтилъ Ивась.

„Ахъ мой братчику! за лихое дѣло ты принялся — говорили ему люди, — змѣя далеко, а поки до ней дойдешь, оухватитъ тя на дорозѣ и прожретъ." — „Чи незнаешь, говорили сновь иныи — що ти потребно будетъ, если хочешь до змѣи достатись, кромѣ того еще два королевства пройти, та напослѣдъ черезъ море перевезтися; — но тогда вже живъ не оутечешь, понеже змѣя въ властной своей хатѣ легисенько тя розгнететъ и прожретъ."

Такъ говорено по всѣхъ мѣстцахъ, которыи ино проходилъ; но Ивась немного тому журился, змѣевыи бо пера, которыми свою Магдалину откупити имѣлъ, выше своей жизни цѣнилъ. Потѣшаючись божою помочію и добрымъ счастьемъ съ мирною совѣстею пошелъ дальше, а невакомъ и прибылъ въ столицу того королевства. Тутка также стали его пытати: кто и откуда есть, та куда идетъ? Ивась все розсказалъ.

Чутка о немъ разнеслась по цѣломъ городѣ такъ, що и король о томъ довѣдался, якъ нѣкій незнаемый путникъ изъ далекихъ сторонъ намѣреваетъ къ змѣи пойти.

Король велѣлъ того человѣка привести, и тогда почалъ съ нимъ бесѣдовати: „Имѣю въ огородѣ красную грушу, которая втогодъ еще золотый плодъ приносила, изъ чого для цѣлого королевства червонцы быто; но отъ року вже почала такъ сохнути, що ни природного даже овоща не приноситъ. Если отже идешь къ змѣи, то попытай ею о причину той недоли; иначе бо отъ бѣды та нужды вся держава розпадется. Когда вернешься, знай що ти все богато надуложу. Иди съ Богомъ."

Ивась по тогдашному обычаю палъ передъ нимъ лицемъ на землю и пообѣтовалъ, що если счастливо до змѣи достанется, взглядомъ того оу ней вывѣдается, и потомъ отошелъ.

Недолго путовалъ, а вже и дошелъ въ другое королевство. Тутка стали также люди со всѣхъ сторонъ его выпытовати, якъ выше; а Ивась все розсказовалъ, що только лишь зналъ; но 'и здѣсь намага-

лись люди отъ столько погибельной пути его отвести, хотя все надармо было. Наконецъ вошелъ послѣ оутомительного хода въ королевскій городъ той земли. Вѣсть о змѣевомъ походѣ скоро обнародовилась такъ, що и король о томъ довѣдался, а призвавши къ собѣ такъ промовилъ:

„Есть нынѣ тому три года, якъ оплакую свою одинокую дочку; но не для того, якобы померла, а только лишь що отъ лютой болести скоро минется. Передъ трема роками и шла до церкви на св. причащеніе, а когда вже домовь повертала,— наразъ стала вся прокаженна. Якъ прежде была истинная лѣпота и моя гордость; такъ теперь для мерзости и кони не могу на ню ни поглянути, ни долше коло ней высидѣти. Сумму червонцевъ выдалъ я на лѣкари та ворожбиты; но все годѣ а годѣ,—ей бо все горьшилось. Когда отже къ змѣи идешь, заклинаю тя живымъ Богомъ, попытай ею за причину такъ великой неволи; а знай що ти королевски надужжу, когда вернешься."

Иваськ сновь палъ передъ королемъ лицемъ на землю, а пообѣтовавши оу змѣи взглядомъ того вывѣдатись отошелъ.

За нѣкое время приспѣлъ къ третьому королевству. Здѣсь видѣлъ великій недостатокъ збожья и воды. Сновь стали люди его пытати; кто и откуда есть, та куда идетъ, — на що имъ отвѣтилъ, що къ змѣи въ гостину выбирается. Тутка такожь почали ему отговоривати, щобъ къ змѣи не ишелъ, понеже непремѣнно съ цѣлою головою не оуйдетъ и пр.

(П. с.)

---

# КАРТАРЬ

## образецъ изъ жития городского.

(продолженіе)

— Лукавче! отдай менѣ сотку, поверни менѣ пятьсотъ повѣренныхъ ренскихъ! на Бога! спаси честь имени моего, кричалъ первый оударивши долоньми.

Ругательно скривилось лице безсовѣстного картаря, реготаючись заховалъ сотку назадъ до пуляреса, а коли Корнилій заклиналъ на чемъ свѣтъ стоитъ, онъ не престалъ извинати себе своимъ сокѣтомъ, якого нещадѣлъ изречи Корнильому, когда пріишоль лишь до повѣренныхъ грошей.

Когда такъ сумогладный розговоръ вели межи собою, напрасно отворилися двери, и якъ бы на довершенье несчастя, вскочило трохъ жидовъ и якійсь панокъ, а скоро звачили Корнилього, злостливою радостію замжрѣлись имъ очи.

— Ага! тутъ мене вельможный нашъ панъ граба обытають? озвался осмѣхаючись одинъ жидокъ.

— Тожь мене вельможному пану и не снилось що мы такой отнайдемъ его хоть бы и край свѣта про нашіи гроши, мовилъ вторый.

— А где суть нашіи гроши? озвалъся третій прижмурюючи очи съ истинно жидовскою подобою. Га? где суть? пошли до Голомбца чи до Садагуры?

— Мой пане! черезъ цѣлый мѣсяцъ ѣлъ и пилъ есь оу мене, а где плата? тожь то хорошо? пятьнадцать ренскихъ днесь не найти нигде на дорозѣ; я своего не подарую, днесь не такіи часы щобы дурно комусь давано ѣсти. Есть то нечестно, и дуже нечестно; мой пане я найду право за мои гроши! такъ промовилъ панокъ, со строгою повагою, которому вже зъ

лица можь было познати, що былъ трак-тїерникъ.

И не понялъ бысь человѣче, въ якомъ состоянїю находился по тотъ часъ Корнилїй, обнапащенъ изъ всѣхъ сторонъ и всѣхъ боковъ. По вторый разъ онѣмѣлъ онъ, во и якже та щожь малъ отповѣсти?

— Отдай панъ намъ нашїи гроши, скрикнули жиды злостливо; мы найдемъ на пана арештъ, найдемъ криминалъ за нашую кривду! кричали одинъ передъ другого.

Корнилїй такой стоялъ молчкомъ, якъ бы му опудъ отнялъ напрасно бесѣду. Тое молчанїе майже розлютило нараженныхъ стратою грошодерцевъ, що и одноглясно озвались:

— Чи панъ недумаетъ повернути намъ нашую працу? мы не жартуемъ, запозвемъ и годѣ!

— Га! чи весь свѣтъ завзялъ ся на мене! запозвѣтъ, и знечестѣтъ мене, я и такъ безчестный, озвалъ ся Корнилїй и скрывши лице въ обѣ долони заколибалъ ся упалъ недужно на постель.

— Якто? тожь панъ не страхается криминалу? не страхается ганьбы — огиди? промовилъ болестно одинъ съ по-межи жидовъ, который явно найбольшу имѣлъ принуку обавлятися. Но Корнилїй не отзывалъ ся вже больше. Жидиска сдѣлали гармидеръ, що и нѣтъ трактїернику прїйти до слова, а былибы гаркотѣли кто знае доколь, кобъ не Стулскїй и честный Яцентїй, которымъ надтамилось слухати тихъ криковъ. Жидиска повыходили съ грозьбою якой и наповѣстися немогли, та и толстый трактїерникъ покрутивши головою пойшолъ зарадити собѣ инымъ свѣтомъ. Въ комнатѣ оучинилося глухо и тихо. Стулскїй пойшолъ до второй, и началъ скваппно прїодегати ся, а задумѣлый Яцентїй, бувши наочнымъ свѣдкомъ такъ разительного появу, заложилъ былъ на хвилю руки, думалъ, а пресвѣдчившися на конецъ, же въ таке его голова не входитъ, погайкуючи выйшолъ зъ комнати. Небавкомъ и Стулскїй выбралъ ся за двери, та не осталъ ся никто лишь Корнилїй, голыи стѣны, а съ нимъ несчастье та розпука.

Оузрѣвши себе самого, поднесъ ся, заглянулъ въ другу комнату, и нѣтъ въ ней Стулского.

— Тожь нѣтъ — нѣтъ и живого духа? га огидники злыи! тожь лишь тогда крутили и лестилисьтеся коло мене, якъ я малъ гроши? ѣдовитыи гадюки! ползалися такъ долго, ажь доколь не втопили ѣдовите жало и не затрули свѣтъ менѣ. О чомужь я не оуслухалъ напомнѣнїй отца моего! оударивши о чело долонею говорилъ онъ самъ до себе, заледвы опираючись страшенной силѣ внутренной болѣзни, и о стѣну опершись замолкъ на нѣсколько хвиль звѣсивши голову. Болѣзнь взмагалась чимъ разъ дужше а дужше, що и думалось ему розпасти, розпукнутися. Жестокая болѣзнь перемоглася; задумавшись почалъ онъ розгадовати: „И що же за житье менѣ на семъ свѣтѣ? — на которомъ зуда счастьемъ, а горе и тяжки боли истинны страшила! менѣ повѣрено гроши, и чомужь я програлъ ихъ? — кто отнялъ менѣ розумъ закимъ попалъ емь ся межи тихъ нужденныхъ лестуновъ, которы научилися побирати корысть изъ чужого несчастїя? чи менѣ доконьче назначено было судьбою такъ нечестно съ ганьбою самохоть сойти зъ сего свѣта? ще одинъ лишь послѣденъ способъ спастися такъ якъ одинъ лишь родный отецъ; тожь онъ не поне-

хаетъ мене, коли мя всѣ понихали; скоро лишь скоро: смерть или спасенїе моей чести.

Такъ погадавши Корнилъ ся сквапно до столика добулъ паперу, ялъ за перо и сталъ писати:

Дорогїй мой отче!

Легкодушность моя на послѣденъ разъ завела мене въ отчаянный обстоятельства; отъ васъ залежати будетъ мое спасенїе: половину или 1000 ренскихъ серебрныхъ якъ найскорше, или пострадаю честь моего имени, а щожь по житю безчестномъ? Сознаю самъ себе быти виннымъ. Ожидаю якъ найскорше отъ васъ спасенїя; будетъ сей листъ послѣденъ написанный моею рукою: Отче простѣтъ менѣ, и пращайте може навѣки.

вашъ несчастливый сынъ
Корнилїй.

Начеркнувши чимъ скорше столько словъ, сложилъ письмо, запечаталъ, прїодегъ ся не зважаючи нїяко на тоалету, пойшолъ сквапно въ мѣсто.

VIII.

Вторый день мая вывудилъ много поблѣднѣлыхъ лицъ зъ помежи сутечей грубыхъ студеныхъ муровъ, якъ мовлятъ на свѣжїй воздухъ, или на проходъ по розличныхъ кутахъ мѣста. Ранкомъ простерлась была невелика мрака, но на томѣсть зъ полудня оучинилося такъ погожо, такъ любо, що и годѣ оудержатися где якой панночцѣ въ комнатахъ, а съ тѣмъ и паничамъ, которыи не свѣжого воздуха ради но панянокъ ради прохажаются. И гдето оучинилося на шкарпахъ, ведутся парами за подвоки, та идутъ по трое, по четверо побочь себе. Малыи дѣтвахи подскакуючи бѣгаютъ на передъ родичей, оущипаютъ где якїй розвиваючїй ся бростъ или молодый листочокъ, радостно прискакуютъ къ нимъ воскрикаючи: отъ мамо, тату! яка хорошая чичка! якїй листочокъ! а родичи немогутъ намиловатися ними, во они самы якъ чички.

Прибранны якъ найстараннѣйше панночки, гордо поступовали зъ легка, поволе, а чимъ больше оуфризованныхъ паничиковъ перебѣгало имъ дорогу, чимъ больше букировъ на нихъ справляно, тѣмъ больше и они росли въ гору — надувалися. Тутъ розговорують старшїи межи собою о своихъ насущныхъ трудахъ, журбахъ, клопотахъ, тамъ рыгочутся молодики покликуючи одинъ на другого: бачь но якъ тая оустроилась! а то палуба! що за великїй носъ и проч. Коли такъ доокола всюды подавало весело, коли майже кождый вийшовши на свѣжїй воздухъ отживалъ вразъ съ природою, одного лишь Корнилього видѣлось не занимало ничь на свѣтѣ. Опершись локтьоемъ о колѣно, сидѣлъ онъ на одной лавцѣ встремивши взоръ въ землю якъ бы желалъ ей исповѣдатись, та просилъ щобы якъ найскорше приняла его въ себе. Много мимоходящихъ звертало на него свою прибачность: „що за фантастъ! говорили одны, що за отчаянникъ," говорили другїи. Но онъ не чулъ, не зважалъ ихъ примѣтокъ, безпрерывно бачилъ въ землю — та въ землю. Пара за парою переходила по при него, ажь и одна зъ помежи нихъ здержалась, та грубый мужескїй голосъ далъ ся чути Малчинского:

— Бачь но ты Рузьо! а чи не господинъ Терехтарскїй сидитъ онъ на лавцѣ? и добувши скла изъ кишени оу камизелки почалъ присмотриватися.

Напрасно поразилъ тотъ голосъ Корнилього, якъ бы щось стисло его за сердце: єму оучинилося на хвилю студено, а потомъ горячо. (П. с.)

## ЛИТЕРАТУРНЫ ИЗВѢСТІЯ.

* Ц. к. оберштъ г. Стратимирович Кулпинскій сочинилъ дѣло подъ заглавіемъ: „Die Reformen der Türkei," которое за нисколько дней випечатается во Вѣдни.

* Господинъ Сава Илиевъ Доброплодный, проф. на высшой гим. карловецкой, написалъ булгарскимъ языкомъ всеобщу исторію, по найновѣйшой педагогичной системѣ, для булгарского юношества.

* Общество про югославяньску исторію, отбыло дня 29 сѣчня свое засѣданіе. Изъ общественныхъ записокъ присвѣдчають ся, що общество тое вступило съ многими ученными дружествами въ отношенія.

* Генрикъ Іаблоньскій, сочинитель Gwidona и dumek, о которомъ кружали извѣстія, що прибываетъ гдесь на Кавказѣ, ба що вже и упокоилъ ся, теперѣшно есть толкователемъ при французской флотѣ, прибывающой на чорноморю, а снабдена въ дѣевыи жерела флотна библіотека, есть до его употребленія. Видится що онъ думаетъ сочинити исторію черноморской купли.

## ГОСПОДАРСТВО.

**Оборникъ отъ дробины особенно отъ голубцевъ.**

Отходы всѣлякого роду птицъ, яко вещество найбольше сконцентроване, надаютъ доборне средство оборниче, съ которымъ жадне инное кромъ такъ званного „guana" сровнати не дасть ся. Содержаютъ они въ собѣ тверднѣючи и плавны екскремента, которыми птицы отлично отъ иныхъ сотворѣній въ одинъ часъ изпорожняются. Но не всѣхъ птицъ отходы однакій подаютъ намъ хосенъ; найлучшіи суть голубыи, потомъ курячи, а найменше похосны отходы отъ гусей и качокъ. Хемичный слогъ отходовъ птичихъ послѣ Гирардина есть слѣдуючій:

**Свѣжіи отходы.**

| | голуб. | | курячіи |
|---|---|---|---|
| Воды . . . . . . | $79_{00}$ | — | $72_{90}$ |
| Вещества органичного . | $18_{00}$ | — | $16_{20}$ |
| „ сольныхъ част. | $2_{18}$ | — | $5_{24}$ |
| Кременца . . . . . | $0_{61}$ | — | $5_{66}$ |
| | 100 | | 100 |

(Приспособленіе и употребленіе.) Въ нашихъ господарствахъ отходы дробины и голубцевъ дуже суть занеханыи, и рѣдко кто ихъ отокмити (оцѣнити) знаетъ. Розсудный заходъ требуетъ подстиланя въ курникахъ, голубникахъ и частѣйшго выкиду отходовъ; въ противномъ бо случаю, легко производятся червы, которы много вредятъ и отходы гирятъ. На подстелку употребляти можь овсяной соломы, земли, пѣску, деревныхъ тротинъ и проч.

Найлучше употребляти птичихъ отходовъ яко оборникъ въ свѣжомъ состоянію, не ожидаючи часу, ажь якъ почнутъ ферментовати, когда то много излѣтаемыхъ а поживныхъ частинъ потеряютъ. Доказомъ суть различны розборы, хемичны изъ которыхъ происходитъ, же если отходы суть въ свѣжомъ состоянію, содержаютъ въ собѣ 25% вещяства розпускаемого, по ферментованю залѣдви 8% имѣютъ. Желаючи долше переховати отходы, должно ихъ захищити отъ ферментаціи перемѣшкою съ углями, сажою или копервасомъ желѣзнымъ; но долгое ихъ перехованье наведе земледѣлцу очевидну страту.

Птичихъ отходовъ употребляютъ въ дуже удробленномъ состоянію и часто въ перемѣщцѣ съ пепеломъ или землею. По розсипаню легко прикриваютъ боронами; потомъ ажь сѣвба слѣдуетъ.

Отходы птичіи всѣлякому роду растѣней безъ изнятія хорошій взросъ забезпечаютъ, однакожь найдѣйственнѣйше вліяютъ на конюшину. Въ Фландріи употребляютъ ихъ дуже часто на справленье поля подъ тютюнъ, ленъ, рѣпу, и проч.

Найлучше вліяніе дѣлаютъ на грунтахъ глинковатыхъ и студеныхъ. Пшеница, навезена тими отходами на глинковатой землѣ, издаетъ такъ великій полонъ, якого нѣтъ иннымъ осягнути средствомъ.

Справленіе ошибокъ въ Числѣ 10.

Въ думѣ „Чернецъ-Опока мѣсто облѣлуютъ читай обцѣлуютъ, мѣсто опопочутъ, ополочутъ.

Въ розправѣ о короледворской рукописѣ стор. 76, сторока 16 и 17 читати належитъ: „находится много розличныхъ древнихъ паперовъ и стрѣлъ." Стор. 77 строк. 8 „остальное рукописи" строк. 19 „инымъ способомъ" стр. 19 тойже стор. въ столб. прав. „Семитическимъ."

Тvпомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.